

«Чёрная легенда» в популярной американской литературе межвоенного периода: репрезентация конкистадоров в pulp-журналах.

«The Black Legend» in American Popular Literature of the Interwar Period: The Representation of the Conquistadors in Pulp Magazines

Лапаев Никита Юрьевич

аспирант

Государственный академический университет гуманитарных наук,

Lapaev Nikita

The State Academic University for the Humanities,

postgraduate student,

ORCID: 0009-0004-7319-6347

mail: nikosyorito@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию репрезентации испанских конкистадоров и конкисты в американской pulp-литературе межвоенного периода. Методологически работа опирается на концепцию формульной литературы Джона Кавелти и имагологический подход Джозефа Лирсена, что позволяет выявить устойчивые сюжетные модели и тропы в формировании образа «другого». На материале четырнадцати рассказов, опубликованных в различных pulp-журналах в межвоенный период, прослеживается устойчивость тропов «Чёрной легенды», закрепивших в массовом сознании образы испанцев как жестоких и алчных завоевателей. Pulp-журналы, ориентированные на массовую аудиторию, выступали не только развлекательным чтением, но и важным медиатором культурной памяти, транслируя устойчивые стереотипы и формируя коллективное истори-

ческое воображение. Автор показывает, что, несмотря на ослабление антикатолических мотивов, мотив жадности золота и насилия оставался центральным. Эти образы восходили к устоявшемуся антииспанскому дискурсу и одновременно соотносились с собственным социальным опытом американцев и дискуссиями начала XX века о месте США как новой империи в Западном полушарии.

Ключевые слова: pulp-литература, «Чёрная легенда» Испании, массовая литература, популярная культура, имагология, историческая имагология, культурная память, конкиста

Abstract: The article examines the representation of Spanish conquistadors and the *Conquista* in American pulp literature of the interwar period. Methodologically, the article is based on John Cawelti's concept of formula fiction and Joep Leerssen's imagological approach, which make it possible to identify stable narrative models and recurring tropes in the construction of the image of the "Other." Based on fourteen short stories published in various pulp-magazines in the Interwar period, the research traces the sustainability of "Black Legend" motifs that reinforced the perception of Spaniards as cruel and greedy conquerors in popular imagination. Pulp magazines, designed for mass readership, functioned not only as entertainment but also as important mediators of cultural memory, transmitting enduring stereotypes and formed collective historical imagination. The author demonstrates that, despite the decline of anti-Catholic motifs, themes of greed for gold and violence remained central. These images drew on the established anti-Spanish discourse while simultaneously resonating with America's own social experience and early 20th-century debates about the United States' place as a new empire in the Western Hemisphere.

Key-words: pulp-magazines, Black Legend of Spain, popular literature, popular culture, imagology, historical imagology, cultural memory, Spanish conquest

Дата принятия к публикации: 28.08.2025

Дата поступления: 17.06.2025

Ссылка для цитирования / Cite:

Лапаев Н.Ю. «Чёрная легенда» в популярной американской литературе межвоенного периода: репрезентация конкистадоров в pulp-журналах // Латиноамериканский исторический альманах. 2025. № 47. С.7-33. DOI: 10.32608/2305-8773-2025-47-1-7-33

Lapaev, Nikita, «The Black Legend» in American Popular Literature of the Interwar Period: The Representation of the Conquistadors in Pulp Magazines // Latin American Historical Almanakh, 2025. № 47. P. 7-33. DOI: 10.32608/2305-8773-2025-46-1-7-33

Образ Испании занимает в американском историческом воображении особое место. Уже с первых десятилетий американо-испанских отношений на него наложился отпечаток так называемой «чёрной легенды» — традиции восприятия Испании как «другого», ассоциируемого с инквизицией, религиозным фанатизмом, коррупцией и деспотизмом. При этом изначально наиболее значимым настроением был именно антикатолицизм¹, который распространялся на весь иберийский мир, включая бывшие колонии². «Чёрная легенда» неоднократно становилась предметом исследования — как в рамках комплексных историко-культурных обзоров, так и в специальных работах. Некоторые исследователи подчёркивали, что образ Испанской империи в американском дискурсе нередко выступал как антипод республиканским ценностям США и одновременно — как предупреждение: символ возможного упадка, к которому может привести фанатизм, колониальная жестокость и авторитаризм.

Однако внимание исследователей традиционно сосредоточено на продуктах высокой культуры, академической исто-

---

¹ Исэров, 2011. С. 53.

² Трояновская, 2011, С.52.

риографии, интеллектуальном поле в целом³. Массовая культура как важный транслятор идеологических смыслов остаётся менее изученной, несмотря на её ключевую роль в формировании представлений широкой аудитории. Настоящая статья лишь отчасти восполняет этот пробел, сосредотачиваясь на одном конкретном аспекте — репрезентации испанских конкистадоров в американских *pulp*-журналах 1920–1930-х гг.

Pulp-журналы, как наиболее доступная, дешёвая и популярная форма массовой литературы, сыграли важную роль в развитии культур-индустрии США. Они стали своеобразной «кузницей» жанровых формул, литературных штампов и писательских практик. В качестве источников в данной работе рассматриваются короткие художественные рассказы, опубликованные в этих изданиях.

Анализ образа конкистадора невозможен без обращения к предшествующей культурной традиции. В статье прослеживается, как образ конкистадоров, будучи частью «чёрной легенды» сформировавшийся в эпоху Просвещения, переосмысленный в романтической литературе и закреплённый в американской историографии, повторяется в популярной литературе и исторической публицистике конца XIX в., а затем адаптируются в формате массовой беллетристики *pulp*-журналов. Такой анализ позволяет не только глубже понять механизмы формирования американского исторического воображения, но и выявить коллективные страхи и противоречия самого американского общества.

Методологически работа опирается на формульный подход Джона Кавелти, направленный на выявление устойчивых сюжетных структур, архетипических персонажей и повторяемых сюжетных ходов, а также на литературоцентричную имагологию Джозефа Лирсена, трактующую образ «другого» как совокупность повторяющихся и культурно значимых тропов⁴.

---

³ В качестве всего лишь нескольких примеров можно назвать следующие обстоятельные работы: Jaksic, 2007; Powell, 2008; Gibson, 1971.; Kagan, 2019.

⁴ Leerssen, 2007. P. 26.

На формирование образа Испании в новообразованном государстве влияло сразу несколько факторов. Во-первых, общий шлейф предубеждений был унаследован ещё из колониального периода. Сказывалось влияние английской испанофобии, основанной на длинной истории соперничества и общем антикатолическом духе протестантских стран. В XVIII в. часто именно католическая церковь, в противовес более либеральным протестантским течениям, становилась объектом критики «литературной республики». Испания часто рассматривалась как страна периферийная, где господствовал фанатизм и нетерпимость, как некая, по выражению, Хавьера Ф. Себастьяна анахроническая антимодель цивилизованной Европы Просвещения⁵.

Это оказало влияние и на ставшие независимыми Соединённые Штаты, которые многое почерпнули из ценностей Просвещения. Испанская колониальная империя в этом дискурсе представляла как неэффективная, построенная на эксплуатации природных богатств и истреблении коренного населения. Представление о жестокостях конкисты во многом черпались из труда Бартоломе де лас Касаса «Правдивая история о разорении Индий». Написанный для защиты индейцев труд был подхвачен антииспанской пропагандой и многократно тиражировался вплоть до испано-американской войны, когда был переиздан как «Исторический и правдивый отчёт о жестокой резне и истреблении 20 000 000 человек в Вест-Индии, учинённой испанцами»⁶. Дискурс был дополнен специфическими американскими факторами: сочувствием борьбе за независимость бывших испанских колоний, а также антимонархическими настроениями⁷.

В первой половине XIX в. происходит некоторое переосмысление этого просветительского взгляда в романтической литературе, благодаря интересу к испанской литературе и драматургии, а также появление травелогов. Значительный

---

⁵ Фернандес, 2003. С. 426.

⁶ Powell, 2008. P. 122.

⁷ Ibid. P. 117.

вклад в этот процесс сделали Вашингтон Ирвинг и Генри Уодсфорд Лонгфелло. Им удалось создать образ другой, по выражению Ричарда Кагана «солнечной» Испании», беззаботной, живописной и романтической, хотя и весьма «восточной» страны⁸. Но и для них конкистадоры были «отчаянными авантюриста и алчными завоевателями»⁹.

Важную роль в формировании традиции играл Уильям Прескотт, который заложил основы американской ибероамериканистики в ряде исторических работы, которые снискали большую популярность у читающей публики и многократно переиздавались. История Испании для Прескотта была историей взлёта и падения империи. Расцвет, который начался в годы правления Изабеллы, завершился тёмными годами царствования Филиппа II и дальнейшей деградацией. Для Прескотта Испания вновь выступала как антипод Соединённым Штатам с их республиканизмом, свободами и веротерпимостью¹⁰. Именно в этом, по мнению Ричарда Кагана и заключалась «парадигма Прескотта», которая стала одной из основ для дальнейшего восприятия испанской культуры и истории.

Прескотт идеализировал правление Изабеллы Кастильской, но для него Испания была империей нереализованного потенциала. Открытие Нового света сулило огромную добычу как для государства, так и для тысяч авантюристов, которые хлынули туда ради денег и славы, да и в целом он писал, что история конкисты больше похожа на рыцарский роман, чем на реальность¹¹. Весьма противоречивой выступала и фигура Кортеса, поскольку для Прескотта он был с одной стороны воплощением «странствующего рыцаря»¹², который не был простым грубым завоевателем, а великим человеком с глобальными планами, с другой стороны Прескотт не отрицает жестокостей завоевания и его алчности. Но в отношении других

---

⁸ Kagan, 2019. P. 9.

⁹ Irving, 1828. P. 52-53.

¹⁰ Kagan, 1996. P. 429.

¹¹ Prescott, 1843. P. 201.

¹² Ibid. P. 338.

конкистадоров, к примеру, Панфило де Норваэса или Диего де Веласкеса, Прескотт полностью доверяет Бартоломео де Лас Касасу в его оценках. В то же время Прескотт продолжает в общем негативную оценку развития Испании, находя в конкистадорах воплощение жестокого духа средневекового времени.

Но если в элитарной культурной среде происходили мягкие сдвиги, в отношении массовой литературы «чёрная легенда» оставалась всё столь же актуальной. В таких «десятицентовых романах» как «Чёрный мститель Испанского Мэйна»¹³ мы видим типичные тропы, характерные для «Чёрной легенды»: жестокость испанских солдат, которые убивают семью главного героя, высокомерие дворян, лицемерных католических монахов, девы в беде, насильно заточённые в монастырь и т.д. «Десятицентовые романы» или “dime-novels” являются некоторыми предшественниками pulp-журналов, по крайней мере играя ту же роль «бульварного чтения», хотя и не достигая, вероятно, такого охвата читателями.

Во второй половине XIX в. отношение к Испании в американских СМИ и общественном мнении ухудшается. Это было связано как с дипломатическими скандалами и конфликтами, так и с осуждением подавления восстания на Кубе в 1868-1878 гг. и, особенно, с инцидентом с захватом корабля «Вирджиниус» в 1873 г. Доминирующие стереотипы об Испании сыграли свою роль в идеологической подготовке войны 1898 года¹⁴.

Испано-американская война 1898 года стала важной вехой не только в отношениях между двумя странами, но отразила важную роль СМИ в современных конфликтах. Конец XIX в. совпал с важными социальными изменениями в американском обществе, связанными с промышленным бумом и формированием массового индустриального общества из преимущественно деревенской Америки довоенного периода. Растущие мегаполисы предоставляли для многочисленных газет, журналов и дешёвой книжной продукции постоянную аудиторию,

---

¹³ Buntline, 1847.

¹⁴ Powell, 2008. P. 125; Brydon Steven, 2022. P. 41.

заинтересованную в простой по форме, низкой по сложности и увлекательной по содержанию литературе. Технические новшества в сфере печати также значительно преобразили ландшафт медиа: удешевилась печать полутонных фотографий, что позволило разнообразить визуальным контентом страницы, упали цены на целлюлозную бумагу, развивалась транспортная система, что упростило распространение изданий и т.д.¹⁵ Это привело к росту журналистики самого разного уровня – от журналов all-fiction, таких как, *McClure's* до нью-йоркской «жёлтой прессы» Пулитцера.

В 1882 г. американским предпринимателем и издателем Фрэнком Манси был создан первый pulp-журнал *Argosy* от начала до конца наполненный художественными произведениями. В семействе журналов Фрэнка Манси имелся и другой журнал – *Munsey's Magazine*, которого не всегда относят именно к pulp-журналам, поскольку он использовал не только целлюлозную, но и более качественную бумагу для иллюстраций, был дороже чем «Argosy», а также был более престижным. Но он обладал схожими чертами – большим количеством рекламы, завлекающими обложками и всё же был на треть дешевле чем его соперники – *Cosmopolitan* и *McClure's*. Эти журналы Манси были переходным этапом к настоящему pulp'у. Поэтому чуть пристальнее посмотрим на них.

Американские СМИ сыграли немаловажную роль как в разжигании шовинистических настроений в американском обществе в ходе испано-американского дипломатического конфликта после взрыва корабля «Мэн», так и в поддержке политики правительства как во время войны, так и оправдывая оккупацию острова после¹⁶. Американская пресса в своих статьях конструировала весьма понятную картину: испанцы были злодеями, а на позиции героев были отнюдь не кубинские борцы за независимость, а уже американские солдаты.

Как и большая часть американских СМИ, журналы Фрэнка Манси не остались в стороне от событий войны, заняв патрио-

---

¹⁵ Campbell, 2003. P. 10.

¹⁶ Ивкина, 2015. С. 256.

тическую и даже прямо империалистическую позицию. В журнале печатались краткие сводки о боевых действиях и значительное количество коротких военных рассказов. Однако, поскольку целью нашей статьи является исследование скорее исторической имагологии, то особенный интерес для нас представляют статьи редактора журнала Ричарда Титерингтона. Изданные позже отдельной книгой, они представляют из себя пример актуальной исторической публицистике, хотя и выглядят как переложение идей Прескотта в упрощённой форме.

Статья «Восход и падение Испании» рисует перед нами ту же картину «упадка Испании», только в куда более сгущённых тонах. Автор не стесняется эпитетов, говоря о «трагической драме, где среди тёмных эпизодов крови, преступлений, жестокости и предательства, преследований и угнетения, есть яркие страницы верности, героизма и предприимчивости¹⁷». Титерингтон в весьма краткой, но снабжённой большим количеством иллюстраций, статье прибегает к целому ряду штампов: борьба с маврами, героическая фигура Изабеллы Кастильской, военное доминирование в Европе, непобедимость испанских терций, изгнание морисков, крах Непобедимой Армады и, конечно, жестокость инквизиции. Чрезмерное и быстрое расширение империи «имело пагубное воздействие на национальный характер». Испанцы невероятно обогатились на грабеже Нового Света ценой порабощения и уничтожения местного населения в шахтах, а золото «сотнями тонн» отправлялось через Атлантику.

Конечно, Титерингтон не скупится на описание жестокостей испанских нравов. Так, статья представляет перед читателями картину господства инквизиции и террора в испанском обществе, где «ни один гражданин не был застрахован от тайного доноса, который приводил к суду и почти всегда к осуждению. Самых слабых и надуманных обвинений было достаточно, чтобы погубить жизнь жертвы¹⁸». Даже когда автор го-

---

¹⁷ Titherington, 1898, b. P. 715.

¹⁸ Ibid. P. 729.

ворит об испанских партизанах времён Наполеоновских войн он акцентирует внимание на их жестокости по отношению к пленным, раненым и средневековый фанатизм¹⁹. В другой статье автор подчёркивает, что испанское правление на Кубе началось с безжалостного уничтожения местного населения во имя веры²⁰.

«Десятицентовые романы» и историческая публицистика 1890-х г. стали важной ступенью в укреплении негативного образа Испании в массовой литературе. Трудно говорить о прямой связи между элитарной и массовой культурой в этом отношении, это требует отдельного исследования, но при этом можно весьма однозначно говорить об общих чертах, хотя, конечно «чёрная легенда» в массовой литературе была ярче и более прямо подана.

Межвоенный период стал эпохой расцвета настоящих pulp-журналов. В отличие от проектов Манси в них уже не печатали очерки Теодора Драйзера, а политики не давали своих интервью. Их издатели довели до максимума идеи *Argosy* – сюжеты стали ещё проще, гонорары меньше, бумага ещё дешевле, обложки ярче, реклама занимала по несколько страниц, а цена держалась в пределах нескольких центов. В лучшие времена наиболее успешные журналы имели тиражи в сотни тысяч экземпляров. Целевую аудиторию pulp-журналов часто определяют, как подростков, мигрантов, и в целом представителей низших классов и рабочей среды. Практически всё пространство журнала занимали рассказы или повести, разбитые на сериалы, чаще всего от начинающих авторов, любителей, авторов-дельцов, специализирующихся на одном коммерчески выгодном жанре (к примеру вестерне) или же литературных маргиналов, чьё творчество не находило признания в более авторитетных кругах.

В рамках выбранной нами темы было рассмотрено 14 рассказов, опубликованных в различных pulp-журналах в период с 1919 по 1940 г. Нужно отметить, что тема конкисты не явля-

---

¹⁹ Ibid. P. 731.

²⁰ Titherington, 1898, a. P. 117-118.

ется особенно популярной для pulp-литературы, что само по себе свидетельствует о некотором спаде напряжения в отношениях и общественном мнении (к примеру, рассказов, посвящённых «жёлтой угрозе» в лице Японии можно обнаружить в десятки раз больше).

Данные произведения весьма разнообразны сюжетно, хотя определённые формульные закономерности мы найти можем. В основном сюжеты или же их части, связанные с конкистадорами, строятся вокруг поиска ими какой-либо добычи. Это может быть золото или нечто более мистическое – источник вечной молодости, к примеру. Чаще всего испанцы терпят неудачу и гибнут в результате собственной алчности. Если действие хронологически происходит не во времена конкисты, то их останки, некое мёртвое наследие, находят современные американские кладоискатели или археологи. В более или менее оформленном виде данная фабула присутствует во всех рассмотренных рассказах.

В иллюстрациях визуальный образ конкистадора практически всегда одинаков и имеет несколько отличительных черт: шлем-морион, борода, доспехи, оружие. Помимо визуального кода облик испанцев дополняется за счёт добавления фраз на испанском языке, которые не несут особенной смысловой нагрузки, но создают для читателя оппозицию свой-чужой и экзотизируют их.

Практически во всех рассказах, действие которых не происходит во времена конкисты, конкистадоры связаны с тёмной готической атмосферой руин, смерти и опустошения. Чаще всего «встреча» между современными американцами и испанским наследием происходит в заброшенных зданиях с пыльными книгами, пещерах, гробницах и сокровищницах. Главным материальным наследием конкистадоров являются кости, ржавые доспехи и оружие, с которого даже спустя столетия не стирается золотая надпись “Con Dios²¹”.

---

²¹ Flynn, 1932. P. 35.

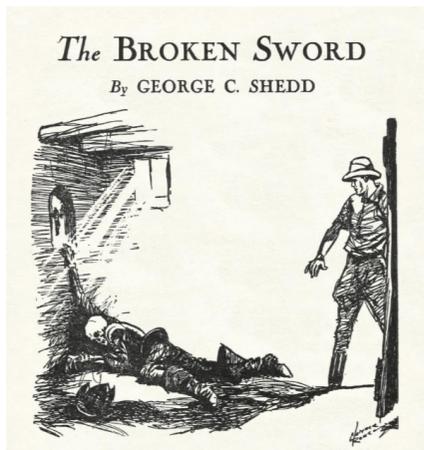

Рис. 1. Иллюстрация к рассказу Джорджа Шедда «Сломанный меч».

Illustration for George Shedd's short story "The Broken Sword".

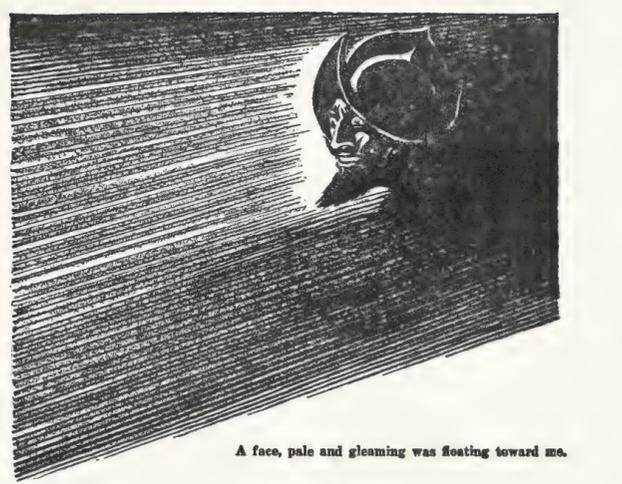

Рис. 2. Иллюстрация к рассказу Долда Эллиота «Чаша смерти».

Illustration for the story "The Mortal Cup" by Dold Elliot.

Верность католической вере тоже является весьма характерной чертой конкистадоров, хотя, скорее декоративной. Религиозные боевые кличи или украшенные, богатые распятия скорее выглядят как дополнительная экзотизация, а не критика католической церкви как таковой. Также, мы не видим тропов, которые встречаются ещё в «десятицентовых романах» второй половины XIX в., к примеру заточения, в монастырь или инквизиторов. Серьёзного переосмысления в сторону улучшения имиджа персонажей-священников тоже не происходит. Брат Ольмедо в «Пути империи» никак не препятствует кровопролитию между христианскими отрядами Панфило де Норваэса и Эрнана Кортеса, выступая как хитрый советник последнего. Брат Марко из «Семи городов Сиболы» выступает как персонаж достаточно колоритный и сложный для pulp-журналов. Его можно назвать фанатичным христианским подвижником, который безоговорочно верит в буквальную трактовку Библии, принимает пустынный мираж за видение, посланное с неба, подражает Христу, отказываясь от коня в пустыне и видит в конкисте именно религиозную подоплёку и воспринимает погибших спутников как мучеников²².

В большинстве же рассказов католические священники вообще отсутствуют. Можно сказать, что мы видим мягкую эволюцию тропа «Чёрной легенды» в массовой литературе, которую можно связать с уменьшением актуальности протестантское-католического противостояния.

В рассказе «Укреплённая долина» один из персонажей дон Эрнандо так характеризует времена конкисты: «Это было время жадности, насилия, жестокости. Каждый преступник, каждый негодяй из Испании стремился в Новый свет. Король и церковь издавали законы, чтобы защитить индейцев, но им никто не подчинялся. От Флориды до Чили лилась кровь. Индейцы были беспомощны, у них не было ни ружей, ни стали, ни лошадей, ни доспехов. Они не могли сопротивляться. Они могли только умирать»²³.

---

²² Rodney, 1919. P. 62.

²³ Somers, 1937. P. 53.

Это краткое описание очень хорошо резюмирует основной пласт образа конкисты. Центральный троп, который регулярно повторяется — это алчность испанцев и их жажда богатства, особенно золота, но также власти, славы или женщин. Он встречается практически во всех рассказах в явной форме: В рассказе «Гордость Барни Суини» рассказывается о покорении Эрнаном Кортесом индейцев – синагога: «Он пришёл со своим войском, священником и флагом и сказал, что теперь они подчиняются испанскому королю и должны вышвырнуть своих старых богов и отдать всё золото, которое у них было, новому королю»²⁴. Когда того не оказалось, Кортес приказал схватить вождя племени и жрецов и пытаться их огнём, чтобы они раскрыли местонахождение кладов. Это вызвало войну между испанцами и индейцами, где обе стороны нетерпимо уничтожали друг друга. В рассказе «Чаша смерти» главный герой находит скелет конкистадора в сокровищнице, который буквально восседает на троне из золота²⁵. В рассказе «Кожаная карта» конкистадоры спаивают индейцев, чтобы выменять у них золото²⁶. В другом произведении в центре сюжета находится поиск американцем сокровищ конкистадора Диего Мандрагора, который вторгся в индейские джунгли, обманул индейцев, разграбил их святилища, казнил вождей и жрецов, пока его солдаты насильовали индианок²⁷. Это вызвало восстание индейских племён, и в итоге испанцы были загнаны в пещеру, бывшую схроном награбленного и ставшую их могилой. В «Месте волосатой смерти» действие сюжета происходит в выработанных золотых шахтах в Кинтана-Рое, где испанцы использовали индейцев в качестве рабов, которые никогда не видели солнечного света²⁸. В рассказе «Кутаемо-пришелец» автор проходится по хрестоматийным сценам конкисты. Главный герой, американский археолог, совершает мистическое

---

²⁴ Frost, 1937. P. 13.

²⁵ Elliot, 1931. P. 158.

²⁶ Berry, 1930. P. 67.

²⁷ Olmstead, 1929. P.47.

²⁸ Rud, 1934. P. 230.

путешествие во времени и видит резню, которую устроил Педро де Альварадо в храме Теночтитлана, предательски напад на ацтеков во время религиозной церемонии и перебив безоружных жрецов и аристократов²⁹. Также он видит уничтожение ацтекской столицы. Город предстаёт наполненным умирающими от голода жителями, которые не могли оказать никакого сопротивления испанцам. Те же в ответ расстреливали их из аркебуз и пушек и вместе со своими индейскими союзниками устроили резню населения³⁰.

В рассказе Генри Бедфорда-Джонса «Пять миль до молодости» мы видим двух старых конкистадоров – Понсе де Леона и Диего до Сотомайора. Конкистадоры ищут легендарный источник молодости во Флориде. Автор описывает их обоих как мужчин «не по возрасту истощённых болезнями и распутством, измученными ранами в жестоких битвах, превращёнными в тени тропическим жаром»³¹. Понсе де Леон искренне верит в чудесный источник, рискует и собой и своими людьми, не жалеет индейцев и относится к ним с презрением («Мы были слишком заняты убийством язычников, чтобы начать крестить их как следует» – бросает он в одном диалоге)³². В финале рассказа, когда становится понятно, что чудесный источник был лишь ошибкой переводчиков и легендами индейцев, он предстаёт сломленным и лишённым веры. В то же время Сотомайор представлен однозначным антагонистом – старик, который пытается насильно склонить юную девушку Эстреллу к браку, кровавый солдат, уничтожавший деревни индейцев и пытающийся их ради подтверждения легенды и титран, сгубивший тысячи своих индейских рабов.

Авторы не ограничиваются описанием жестокости только применительно к индейцам. В рассказе «Путь империи» автор изображает сражение между войсками Кортеса и Панфило де Норваэса, который был послан губернатором Кубы Диего Ве-

---

²⁹ Burks, 1931. P. 202.

³⁰ Ibid P. 210.

³¹ Bedford-Jones, 1939. P. 38.

³² Ibid. P. 42.

ласкесом, завидовавшим успехам Кортеса на континенте. Перед битвой Кортес обращается к своим войскам со словами, что они своими руками завоевали и славу, и золото, которое теперь хотят у них украсть королевские чиновники³³. Делёж завоёванных территорий и сокровищ приводит к междоусобицам и кровопролитию. Главный герой рассказа по прозвищу Красный плащ мечтает о «завоеваниях, о власти, о славе, почёте и богатстве³⁴». Именно ради реализации этих целей Красный плащ покинул идиллическую Родину и отправился на враждебный континент. Он конфликтует и с Кортесом, который считает его слишком наглым и амбициозным, и с другим конкистадором Эскудеро из Кадиса из-за добычи и милости Кортеса. Эскудеро убивает индийскую возлюбленную Красного плаща. Их вражда заканчивается гибелью Эскудеро от рук Красного плаща, причём речь идёт скорее об убийстве, нежели чем о благородной дуэли. В финале герой покидает армию Кортеса, не ведомый ни религиозным рвением, ни лояльностью к короне, но лишь жадной славы и собственной мечтой о «городах Солнца». Только в последней реплике Кортеса становится ясно, что речь идёт о Франсиско Писарро. И его мечта откроет новую главу в истории имперского насилия, уже в Андах.

Несмотря на превалирующий негативный тренд, для образа конкистадоров характерен и всё-таки некоторый элемент рыцарства. Это сопутствует попыткам сделать более симпатичными персонажей протагонистов. На этих персонажей скорее повлияла историческая беллетристика XIX в. в жанре «плаща и шпаги».

Так, в рассказе Генри Бэдфорда-Джеймса о конкистадорах в цикле исторических произведений «Оружие и люди» центром сюжета становится любовная история между Педро де Альварадо и индейской принцессой, где испанец ведёт себя влюблённый, готовый отказаться от всего, даже от погони за

---

³³ La Cossitt, 1936. P. 86.

³⁴ Ibid. P. 89.

золотом³⁵. В «Пути империи» Красный плащ-Писарро, в прошлой сцене убивавший десятками солдат Норваэса и индейцев, при виде индейской принцессы также начинает вести себя как галантный джентльмен.

Чаще всего, испанские персонажи-протагонисты находятся в оппозиции собственной стране и её нравам, являются своеобразными «лишними людьми». Этот весьма грубый приём не разрушает «Чёрную легенду», а лишь добавляет героя, которому бы хотелось соперничать. Так в «Пяти минутах до молодости» таким персонажем является Кристобаль, университетский учёный и возлюбленный Эстреллы. Он не одержим жаждой власти и золота, не ищет Эльдорадо, не верит легендам индейцев или видениям монахов и готов оспаривать их даже под угрозой казни. Он противопоставлен «бесполезным старикам» в лице ветеранов конкисты. В то же время он храбр, готов с оружием в руках защищать свободу своей возлюбленной и сражается на равных с Сотомайором.

Таким же является персонаж Андрес де Авилес из «Семи городов Сиболы». Он своенравен, романтичен и свободолюбив. Самый отважный конкистадор в армии Кортеса демонстрирует лишь храбрость и авантюризм, но не жажду золота или крови. Рассказ репрезентует колониальное правление испанцев как коррумпированное и направленное на максимальную эксплуатацию индейского населения. Андрес положительно выделяется на этом фоне. Он бросает вызов деспотичному и жестокому налоговому сборщику, который издевается над стариком индейцем, как настоящий «кабальеро» он стремится помочь попавшей в беду даме, в которую конечно же куртуазно влюблён. Он не боится вступать в конфликт с начальством и губернатором и ведёт себя не как солдат, но как яркий индивидуалист. Едва ли это переосмысление – в ряду персонажей Андрес выглядит как инородный и лишённый ярких «испанских» черт. Автор не спорит с «Чёрной легендой», он просто лишает протагониста её влияния.

---

³⁵Bedford-Jones, 1936. P. 27.

Если взять общий массив даже рассмотренных нами текстов, то сугубо исторических в них только 3 из 14, в то время как действие остальных происходит в начале XX в. и современные американские персонажи каким-то образом лишь вступают в контакт с прошлым. Поэтому чаще всего мы имеем дело не столько с самими испанцами, сколько с их наследием. Про материальные остатки мы сказали выше, но оно не ограничивалось костями и сундуками с золотом, а переносилось на культурный уровень.

Часто наследие конкистадоров порочное и тёмное. В «Чаше смерти» сюжет повествует о скрытом обществе метисов, Митцли, потомков индейцев и испанцев, которые в поисках золота попали в индейский город Япаклан. Местные жрецы приютили их, но, когда конкистадоры начали требовать золота, те напоили их волшебным снадобьем, благодаря которому они забыли кто они и зачем пришли. И только утратив свою личность и идентичность они избавились от жажды богатств, которая была как будто имманентно присуща испанцам. Тем не менее, эта ненасытность проявила себя в их потомках, из-за чего данный скрытый народ в основном деградировал до чудовищ.

В финале рассказа «Куатемок пришелец» главный герой видит сцену, где современный Мехико буквально растёт на костях и телах убитых испанцами индейцев³⁶. В рассказе описывается, как город охвачен эпидемией и паникой, вызванной мстостью Куатемока. Эту сцену можно интерпретировать как образ кровавого исторического наследия, которое оставила Испания. Конкиста становится своего рода символическим «первородным грехом» Мексики, проклятием, которое калечит страну до сих пор.

В некоторых случаях ситуация более положительная. Артур О'Фриел, автор цикла историй про Амазонку, который действительно жил и работал в Южной Америке, вложил в уста одного из своих персонажей, перуанского искателя приключений, преступника и плута Хосе Мартинеса такие слова:

---

³⁶ Burks, 1931. P. 212.

«Я, Хосе Мартинес, из конкистадоров. Во мне течёт кровь человека, который бросил вызов морям, Андам и джунглям и сделал эти земли испанскими. Если бы не он и его товарищи, чем были бы Перу? Эквадор? Колумбия и Венесуэла? Чили и Аргентина? Индейскими землями. Сильная рука, холодная сталь и кровь моих предков завоевали эту землю»³⁷. В авантюристе «пылало то же пламя, которое горело в жилах Писарро, Орельяны, Агирре и их смелых и жестоких последователей»³⁸. От своих далёких предков Хосе «унаследовал» не только способность «сражаться и убивать как герой», но и страсть к золоту. Подобный этнический «эссенциализм», смешение «крови» и «национального характера» вообще свойственен pulp-литературе.

В завершении статьи, хотелось бы рассмотреть наиболее ярко сталкивающий разные тропы рассказ «Сломанный меч» Джорджа Шедда. Согласно сюжету, группа археологов находит скелет конкистадора, участника экспедиции Коронадо. Часть археологов хочет отправить его меч в музей, поскольку он якобы имеет огромную ценность. Однако, один из участников экспедиции, юноша по фамилии Делано, отказывается это делать и хочет вернуть меч в Испанию. Между археологами разгорается спор, где Делано защищает испанцев, говоря, что ими двигала не только алчность, но авантюризм и жажда приключений³⁹. Его оппонент, шотландец МакФерсон называет их «старыми, кровожадными мародёрами». В конце Делано похищает меч и отправляется в Испанию. Примечательно, что вскрываются испанские корни Делано и он начинает демонстрировать «испанские» черты, к примеру набожность. МакФерсон комментируя его поведение, говорит, что Делано «слишком средневековый, чтобы иметь подлинно научный и открытый ум»⁴⁰. Таким образом рассказ содержит в себе дискуссию: кто же всё-таки конкистадоры? Авантюристы? Граби-

---

³⁷ Friel, 1922. P. 61.

³⁸ Ibid. P. 62.

³⁹ Shedd, 1930. P. 121.

⁴⁰ Ibid. P. 125.

тели? Какое место они занимают и в самих Соединённых Штатах? Обычно след испанцев на территории США в pulp-литературе представляет из себя мёртвую материю и Делано является единственным «живым» их наследием. Прямых ответов на эти вопросы мы не находим, однако это произведение напоминает нам о том, что несмотря на всю серийность, популярная культура может быть и пространством конфликта между разными культурными кодами.

Подытоживая следует отметить, что троп испанской жестокости и жадности демонстрирует очень большую устойчивость, фигурируя в «Чёрной легенде» с самого начала её формирования как дискурса и дойдя до дешёвых американских журналов межвоенного периода. Попробуем ответить на вопрос: о чём это говорит применительно к pulp-литературе? Почему именно на нём был сделан основной акцент?

Во-первых, рассмотрим его с имагологически-литературной точки зрения. Поскольку мы имеем дело с формульной литературой, то авторы не стремятся к какой-то глубокой рефлексии. Их целью является создание волнительного сеттинга, который создавал бы узнаваемую, но интересную атмосферу. «Испанская ярость» многократно постулировалась в популярной литературе на протяжении почти столетия, фигурировала в СМИ и публицистике второй половины XIX в., достигая пика во время испано-американской войны. Поэтому авторы могли даже и не ставить целей именно как-то негативно описать конкисту – просто в культуре уже сложился консенсус. Тем более, что такой акцент на брутальности создавал для читателя дополнительную насыщенность. Но данный ответ не будет достаточным, поскольку оставляет тропы в пространстве некоего «чистого искусства» и не рассматривает социальный и культурный контекст, хотя и объясняет драматургическую надобность этих образов.

Во-вторых, важно отметить, что авторы напрямую не рассуждают на темы зла колониализма как такового и не выступают в качестве защитников индейцев, как могло бы показать-

ся на первый взгляд. Индейцы мужчины предстают в качестве либо «благородных варваров», либо просто дикарей⁴¹. Индианки же репрезентируются анти-психологично даже для pulp-литературы, очень легко принимая любовь победителей и завоевателей. Это максимально пассивные персонажи, которые говорят буквально несколько реплик и влюбляются, при этом их внешность достаточно подробно описана, в отличие от их характера.

Американские персонажи, которые тоже являются фактически колониальными агентами в Ибероамерике, демонстрируют другую модель колониализма, которая не связана с неудержимой жестокостью, но тоже нацеленную на эксплуатацию. Они ведь ищут клады испанцев или индейцев, или же стремятся «извлечь» некое знание из мёртвого индейского наследия. И сюжетно также проявляют много жестокости и никогда не сомневаются, когда тянут руку к револьверу. Если рассматривать pulp-литературу в общем дискурсе американской «чёрной легенды», то крайне соблазнительно допустить, что она также укладывается в «парадигму Прескотта» о формировании из образа Испании некой «анти-Америки»⁴². Столь настойчивое повторение тропа жестокости может быть связано с желанием доказать, что Соединённым Штатам роль доминирующего в Западном полушарии государства даётся лучше.

Этот вопрос стал особенно актуален на фоне общественных дискуссий, которые вызвало становление Соединённых Штатов империей после аннексии Гавайев, установления своего влияния на Филиппинах и Кубе. Соединённые Штаты всё больше начинали претендовать на роль лидера и «полицейского» в западном полушарии, проводя активные интервенции в Никарагуа, Мексике, Гаити, Доминиканской республике. Не меньшую роль играла и экономическая экспансия. Сторонники американского экспансионизма подчёркивали цивилиза-

---

⁴¹ Подробнее об образе индейцев в pulp-литературе см.: Лапаев, 2024.

⁴² Jaksic, 2007. P. 185.

торский и миротворческий характер американского влияния⁴³. Тем более, как показывает опыт 1898 г., да и американо-японского конфликта и «жёлтой угрозы», в целом, в массовой литературе про-империалистическая позиция была весьма распространена, хотя это и нельзя абсолютизировать.

Преращение США в империю нравилось отнюдь не всем американцам. Получили распространение антиимпериалистические лиги, которые трансформировались в более широкие общественные движения⁴⁴. Противники расширения американского влияния в регионе подчёркивали, что само по себе построение американской империи противостоит духу Конституции, отцов-основателей и основополагающим принципам демократии и свободы. После 1917 г. эти движения получили большую подпитку от растущих левых движений. Тема политического в pulp-литературе исследована крайне слабо, поэтому делать какие-то далеко идущие выводы крайне трудно, но всё же нельзя сбрасывать со счетов оттенки антиимпериализма в образе конкистадоров. Не случайно, Кортес и Писарро в некоторых рассказах, которые не были в фокусе нашего исследования, фигурируют лишь как словесная метафора, завоевателей, а рассказ Генри ла Косситта носит название «Путь империи» и это один из самых негативных рассказов, где конкистадоры выступают как лживые, завистливые, жестокие и одержимые властью.

В-третьих, рассказы содержат в себе простую, весьма понятную мораль – стремление к богатству вопреки всему не несёт ничего. Рассказы опубликованы в межвоенный период, когда американское общество столкнулось с мощным экономическим ростом и обогащением среднего класса в 1920-е гг., а затем с таким же мощным провалом времён Великой Депрессии. Депрессия была сопряжена с ростом преступности, падением доходов, безработицей, нестабильностью и культурной травмой Америке. Люди становились свидетелями взлётов и падений, несправедливого, преступного обогащения и недо-

---

⁴³ Антясов, 1981. С. 46 – 49.

⁴⁴ Cullinane, 2012. P. 116.

ступности, богатства, для рядовых читателей pulp-журналов. Следует отметить, что большая часть рассказов опубликована именно после 1929 г.

Наконец, нельзя забывать, что во второй половине XIX и начале XX в. в США проходила собственная «золотая лихорадка». Освоение западной части США, включая Калифорнийскую, а затем Аляскинскую лихорадки, длилось сравнительно недолго, но оставило невероятно насыщенное наследие⁴⁵, которое, к примеру, воплотилось в жанре вестерна, который уже в межвоенный период был настолько популярен, что существовало несколько специализированных на нём журналов (к примеру, затронутые нами *Frontier stories* и *Western stories*), в фольклоре, в журналистской публицистике и т.д. Если остановиться на золотой лихорадке чуть подробнее, то исследователи отмечают, что она сформировала образ «фроньера белых мужчин авантюристов, которые преодолевали физические и географические препятствия ради золота», где «каждый имел равные шансы добиться успеха»⁴⁶. Золотая лихорадка была массовым движением, в которое было вовлечены десятки тысяч человек, многие из которых покинули свои дома ради неприветливых мест в надежде на удачу. Канадский автор Дуглас Фетерлинг подчёркивает, что именно романтическая тяга к приключениям, погоней за мечтой, толкала людей вновь и вновь поддаваться влиянию «лихорадки»⁴⁷. Старателям приходилось искать золото в тяжёлых условиях, что способствовало насилию среди них, включая вооружённую борьбу за участки, убийства, этнические конфликты и погромы, преступность и самосуды. Фронтир оказал большое влияние на всю популярную культуру США. Место действия большинства рассмотренных нами рассказов происходит в его пространстве, вдалеке от цивилизации. Индивидуалистами являются и сами конкистадоры – ими движет личное стремление к обогащению и амбиции, а не верность короне. Наоборот, не-

---

⁴⁵ Wright, 1975. P. 4 – 6.

⁴⁶ Porsid, 1999. P. 13.

⁴⁷ Fetherling, 1997. P. 7.

которые из них (Кортес в «Пути империи» или Андрес в «Семи городах Сиболь») противостоят чиновничеству, губернаторам или влиянию королевского двора. Как ни странно, мы не видим в Испании именно враждебной империи, государства, а видим горстку одержимых своими амбициями персонажей.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что в pulp-литературе «Чёрная легенда» конкисты получила своё продолжение, которое отчасти смягчила некоторые, антикатолические стереотипы, но закрепила другие, в частности жажду золота и жестокость испанцев. Эти стереотипы имели глубокие корни, превратившись в устойчивый и повторяющийся штамп, закреплённый литературой XIX в. и военной пропагандой 1898 года. В отсутствии непосредственной угрозы со стороны Испании в межвоенный период они совпали с социальным опытом американцев конца XIX – начала XX в., связанным со своей «золотой лихорадкой» и экономическими взлётами и падениями. Важным является и общественная рефлексия на тему того, какую роль играют США в Западном полушарии и отношение к их становлению империей. Но для углубления этих предположений необходимо провести сравнительный анализ тропов конкисты с тропами золотоискателей в вестерне или же с рассказами, повествующими об американцах на Кубе или на Филиппинах. Но на данном этапе исследования можно констатировать, что pulp-литература межвоенного периода в целом следует общему дискурсу «чёрной легенды».

Библиография/References:

- Антясов М. В.* Панамериканизм: идеология и политика. М.: Мысль, 1981. Antiasov M. V. Panamericanizm: ideologija i politika. M.: Mysl, 1981. [Pan-Americanism: Ideology and Politics]
- Ивкина Л.А.* Под дулом оружия: как Кубе была навязана «поправка Платта» (1901-1902) // Латиноамериканский исторический альманах, № 15, 2015, С. 253-270. Ivkina L.A. Pod du-

- lom oruzhiya: kak Kube byla navyazana «popravka Platta» (1901-1902) // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah, № 15, 2015, С. 253-270. [Under the gun of weapons: how Cuba was imposed on the Platt Amendment (1901-1902)]
- Исэров А. А.* США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815-1830 М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011. Iserov A.A. SSHA i borba Latinskoj Ameriki za nezavisimost, 1815–1830. M.: Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2011. [The United States and Latin America's Struggle for Independence, 1815-1830]
- Лапаев Н.Ю.* Медный лик древней Америки: репрезентация мезоамериканских цивилизаций в американском pulp-журнале *Weird tales* в межвоенный период // Латиноамериканский исторический альманах, № 41, 2024, С. 56-78. Lapaev N.Yu. Mednyj lik drevnej Ameriki: reprezentaciya mezoamerikanskih civilizacij v amerikanskom pulp-zhurnale *Weird tales* v mezhoennyj period // Latinoamerikanskij istoricheskij al'manah, № 41, 2024, С. 56-78. [Copper face of ancient America: representation of Mesoamerican civilizations in American pulp-magazine *Weird tales* in the interwar period]
- Саломатин А. Ю.* Перспективы изучения истории американской печати // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2010. – Т. 1. – Выпуск 4. URL: <https://history.jes.su/s207987840000104-3-2/> [Studying History of American Mass-Media]
- Трояновская М.О.* США и суверенные республики Нового света (конец XVIII – первая четверть XIX века) // Новая и новейшая история, №.6, 2011, С. 48-66. *Trojanovskaya M.O.* SSHA i suverennye respubliki Novogo sveta (konec XVIII – pervaya chetvert' XIX veka) // Novaya i novejšhaya istoriya, №.6, 2011, P. 48-66. [The United states and sovereign republics of New World (late XVIII – first quarter of the XIX century)]
- Фернандес С. Х.* Пиренейский полуостров // Мир Просвещения. Исторический словарь. 2003. *Fernandes S. Kh.* Pireneiskii poluostrov // Mir Prosveshcheniia. Istoricheskii slovar', 2003. [Iberian Peninsula]

- Bedford-Jones H.* Arms and Men. Ch. XIII: Conquistador // Blue Book, V. 62, №. 04. 1936. P. 18 – 29.
- Bedford-Jones H.* The Fountain of Youth // The Blue Book Magazine, V. 68, № 6, 1939. P.35-82.
- Berry R. A.* The Leather Map // Western Story Weekly. Vol. 97, № 1. 1930. P. 30- 79.
- Buntline N.* The Black Avenger of the Spanish Main, or The Fiend of Blood. New York: Hilton & Co., 1847.
- Brydon Steven R.* American Propaganda From the Spanish-American War to Iraq: War Stories London: Lexington Books, 2022.
- Burks A. J.* Guatemozin the Visitant // Strange Tales of Mystery and Terror, V. 1, №. 2, 1931. P. 178-219.
- Campbell W. J.* Yellow Journalism: Puncturing the Myths, Defining the Legacies. Westport: Praeger, 2003.
- Cullinane M. P.* Liberty and American Anti-Imperialism 1898-1909 New-York: Palgrave Macmillan, 2012.
- Gibson Ch.* The Black Legend: anti-Spaniards Attitudes in the Old World and the New Michigan: University of Michigan, 1971.
- Fetherling D.* The Gold Crusades: A Social History of Gold Rushes, 1849-1929, Toronto: University of Toronto Press, 1997.
- Friel A. O.* Tiger River. Part I. // Adventure, V. 35, №. 4. 1922 P. 53-77.
- Jaksic I.* The Hispanic World and American Intellectual Life, 1820–1880. London: Palgrave Macmillan, 2007.
- Elliot D.* The Bowl of Death // Miracle. V. 1, №. 2, 1931. P.154-195.
- Flynn T. T.* The Red Venom // Dime Detective. V. 3, № 3, 1932. P. 6-64.
- Friel A. O.* Tiger River // Adventure, V. 35, №. 4. 1922. P. 53 – 77.
- Frost M. O.* The Pride of Barney Sweeney // Adventure V. 97, №.2. 1937. P.8-26.
- Irving W.* A history of the life and voyages of Christopher Columbus. Vol I. London: John Murray, Albemarle-street, 1828.
- Kagan R. L.* Prescott's Paradigm: American Historical Scholarship and the Decline of Spain. // The American Historical Review, V. 101, №. 2, 1996. Pp. 423-446.

- Kagan R. L.* The Spanish Craze: America's Fascination with the Hispanic World, 1779–1939. Lincoln: University of Nebraska Press, 2019.
- La Cossitt H.* The Course of Empire // *Adventure*, V. 95, №. 2, 1936, P. 85 – 96.
- Leerssen J.* Imagology: history and method // *Imagology: The cultural construction and literary representation of national characters. A critical survey.* Amsterdam and New York: Rodopi, 2007.
- Olmstead H. F.* Bobada Trails // *Frontier Stories*. V. 10, №. 6, 1929, P. 35 – 60.
- Prescott W. H.* History of The Conquest of Mexico Vol. III. Philadelphia: J.B. Lippincott Company, 1843.
- Powell Ph. W.* Tree of hate Propaganda and Prejudices affecting united states relations with the Hispanic world. New-Mexico: New-Mexico Press, 2008.
- Porsid C.* Gamblers and Dreamers: Woman, Men and Community in the Klondike Vancouver: University of British Columbia, 1999.
- Rodney G. B.* The Seven Cities of Cibola // *Adventure*. V. 23, №. 6. 1919. P. 58-114.
- Rud A.* The Place of Hairy Death // *Weird Tales*, V.23, №. 2, 1934, P. 229 – 235.
- Shedd J. S.* The Broken Sword // *Popular Magazine*, V.100, № 4, 1930. P. 114 – 126.
- Somers G.* The Valley Stronghold. Part II. // *Blue Book*, V. 65, №. 6, 1937. P. 50 – 71.
- Titherington T. H.* Our war with Spain // *Munsey's Magazine*, V.20, №. 1. 1898, P. 113-134, a.
- Titherington T. H.* The rise and fall of Spain // *Munsey's Magazine*, V. 19, №.5., 1898 P. 713-732, b.
- Wright W.* Six Guns and Society: A Structural Study of the Western, Los Angeles: University of California Press, 1975.